

«ВЕЛЬМОЖА» И. А. КРЫЛОВА: ЖАНР, ИСТОЧНИКИ, ДАТИРОВКА

Е. Э. Лямина, Н. В. Самовер
(Москва)

В итоговое издание своих басен, выпущенное им в 1843 г., Крылов включил 198 текстов. Книгу он открыл, как делал уже неоднократно, «Вороной и Лисицей», а завершил «Вельможей», одним из поздних своих сочинений, увидевших свет в периодике середины – второй половины 1830-х гг.:

Какой-то, в древности, вельможа
С богато убранного ложа
Отправился в страну, где царствует Плутон.
Сказать простее, – умер он
И, так, как встарь велось, в аду на суд явился.
Тотчас допрос ему: – «Чем был ты? где родился?»
«Родился в Персии, а чином был сатрап;
Но, так как, живучи, я был здоровьем слаб,
То сам я областью не правил,
А все дела секретарю оставил». –
«Что ж делал ты?» – «Пил, ел и спал,
Да все подписывал, что он ни подавал.
– «Скорей же в рай его!» – «Как! где же справедливость?»
Меркурий тут вскричал, забывши всю учтивость.
– «Эх, братец!» отвечал Эак:
«Не знаешь дела ты никак.
Не видишь, разве, ты? Покойник – был дурак!
Что, если бы с такою властью
Взялся он за дела, к несчастью?
Ведь погубил бы целый край!..
И ты б там слез не обобрался!
Затем-то и попал он в рай,

Что за дела не принимался». –
Вчера я был в суде, и видел там судью:
Ну, так и кажется, что быть ему в раю!
(Крылов 1843: 325–326)

Снабженный при первой публикации в январе 1836 г. подзаголовком «Басня», а в 1843-м поставленный в ряд других басен на символическую замыкающую позицию¹, «Вельможа» имеет, как мы намерены показать, более сложную жанровую природу.

Специального изучения этот текст Крылова никогда не удостоивался и вниманием комментаторов не избалован. Разборы его в лучшем случае ограничиваются указанием на параллели в сатирической прозе Крылова и в басне 1808 г. «Оракул». Попыток соотнести «Вельможу» с каким-то конкретным «случаем» не делалось. А. П. Могиланский, составитель научного издания басен Крылова, по сей день остающегося наиболее авторитетным, датирует «Вельможу» концом 1833 – началом 1834 г. (см.: Могиланский 1956: 559). Ученый опирался на крыловские черновики, вообще крайне трудно поддающиеся хронологической привязке и всегда оставляющие простор для сомнений.

Между тем обзор исторического и литературного контекста позволяет выдвинуть гипотезу о том, какой «случай» вызвал к жизни эту басню, т. е. уточнить датировку, а также проследить ее связи с другими текстами.

1. Начитанному современнику достаточно было взглянуть на название басни Крылова, чтобы вспомнить одноименную оду Г. Р. Державина. В его «Вельможе» подвергается осуждению «второй Сарданапал», проводящий жизнь в праздности и пирах. Там же дано классическое определение вельможи-гражданина, которое многие помнили наизусть:

¹ «Вельможа» завершал и весь том, и девятую книгу басен – новую, добавленную в этом последнем издании к классическому восьмикнижию, которое тиражировалось А. Ф. Смирдиным с 1830 по 1840 г. по условиям контракта с Крыловым.

Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священо,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть – польза, слава, честь.
(Державин 1864: 629)

Завершенная в 1794 г., ода несколько лет распространялась в списках: прозрачные намеки на конкретных «сильных» лиц екатерининского царствования делали ее публикацию невозможной. «Вельможа» был напечатан только в 1798 г., уже при Павле I², и сразу стал образцом высокой сатиры гражданского толка.

Прямая отсылка к этому тексту в заглавии крыловской басни – знак именно этого, сатирического модуса. Но, как ни парадоксально, она же служит маскировкой, препятствующей считыванию возможного злободневного подтекста. К 1830-м гг. аллюзии на личности, которые видели в «Вельможе» читатели 1790-х, по большей части стерлись, а значит, державинская сатира стала выглядеть скорее общеморальной.

Аналогичное впечатление, на первый взгляд, производит и нарочито стилизованная басня Крылова. Причудливое, во вкусе минувшего века, смешение персонажей и эпох: древняя Персия, вельможа, сатрап, чин, античные боги, христианский рай, российский суд, – сбивая с толку, не позволяет соотнести происходящее в тексте с современностью. В том же ряду и оборот «сказать простее» – не случайный архаизм, а тонко рассчитанная краска, отблеск языка XVIII столетия³, и элементы такого жанра, как «разговоры в царстве мертвых», в русской традиции канонизированного еще Сумароковым (см.: Исаченко 2014). Впрочем,

2 Подробнее об истории публикации «Вельможи» см.: Державин 1864: 622–635.

³ Ср.: «Которые машины простее, те и лучше» (САР 1793: 1091). Во втором издании словаря (САР 1822) эта форма уже не фиксируется.

скрываясь в монументальной тени Державина, Крылов ведет с ним лукавый диалог, и если поэт «золотого века» в конце концов обрушивает на своего Сарданапала громы небесные, то крыловский сатрап, сообразно циничным нравам новейшего времени, удобно устраивается даже в загробной жизни.

2. 3 июня 1834 г. в Москве скоропостижно скончался В. П. Кочубей, председатель Государственного совета и Комитета министров, недавно пожалованный в государственные канцлеры «по делам внутреннего и гражданского управления» – высший чин Табели о рангах. По этому поводу А. С. Пушкин внес в дневник язвительную запись:

Тому недели две получено здесь известие о смерти кн. Кочубея. <...> Казалось, смерть такого ничтожного человека не должна была сделать никакого переворота в течении дел. Но такова бедность России в государственных людях, что и Кочубея нечем заменить! <...> Дело в том, что он был человек хорошо воспитанный, – и это у нас редко, и за то спасибо. О Кочубее сказано:

Под камнем сим лежит граф⁴ Виктор Кочубей.

Что в жизни доброго он сделал для людей,
Не знаю, чорт меня убей.

Согласен; но эпиграмму припишут мне, и правительство опять на меня надуется (Пушкин 1949: 331)⁵.

В своем скепсисе Пушкин был не одинок. Если в чиновной среде Кочубея ценили, то высший свет его деловые качества не признавал и, охотно посещая его роскошные балы, злословил о надменности, расчетливости и подозрительно быстром обогащении хозяина.

Сообщение о смерти Кочубея, на удивление лаконичное и сдержанное, появилось в петербургских газетах 15 июня⁶, хотя весть

⁴ В 1831 г. Николай I возвел Кочубея в княжеское достоинство.

⁵ Недатированная запись, сделанная между 19 июня и 22 июля.

⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1834. № 137. 15 июня. С. 535; Северная пчела. 1834. № 133. 15 июня. С. 549. В «Русском инвалиде» – еще позже, 17 июня (№ 152. С. 606).

дошла до столицы еще 5-го. Эта кончина бурно обсуждалась и в связи с ее обстоятельствами (канцлер умер внезапно, вдали от дома, не причастившись и не выразив последней воли), и в связи с вниманием к ней со стороны императорской фамилии: 9 июня 87-летнюю кавалерственную даму Н. К. Загряжскую, тетку жены канцлера, посетила в Царском Селе с выражением соболезнования сама императрица. Дача Кочубеев немедленно стала объектом паломничества сочувствующих. «Смерть кн. Кочубея ужасно всех здесь поразила, – писал 6 июня брату в Москву петербургский почт-директор К. Я. Булгаков. – <...> Государь теряет в нем слугу верного, человека умного, опытного, государственного. Все сожалеют о нем. Дай бог ему царство небесное!» (Булгаков К. 1904: 421).

Тем временем в Москве разворачивались из ряда вон выходящие события. Тело Кочубея, несмотря на летнюю жару, девять дней находилось в приходской церкви, хотя его состояние уже при перенесении туда было настолько плачевным, что лицо пришлось закрыть (см.: Булгаков А. 1906: 414). Исключительно пышный и торжественный вынос в Чудов монастырь к отпеванию состоялся лишь 13 июня: ждали, когда из Петербурга будет прислан особый церемониал погребения. В соответствии с ним, в частности, за траурной колесницей шествовали чиновники разных ведомств⁷. В тот же день тело было отправлено в столицу, и наконец 21 июня в Александро-Невской лавре состоялись похороны, на которых присутствовали Николай I, наследник и великий князь Михаил Павлович. И только через два дня после погребения появился официальный некролог. 23 июня «Санкт-Петербургские ведомости» и «Северная пчела» поместили один и тот же текст⁸; в нем описывались основные вехи служебной биографии покойного и высоко оценивались его административные способности,

⁷ Описание церемонии см.: Шаликов П. И. 1834. <Без названия>. – Московские ведомости. 23 июня. № 50. С. 2404.

⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1834. № 144. 23 июня. С. 561; Северная пчела. 1834. № 140. 23 июня. С. 557–558. В «Русском инвалиде» тот же текст появился 24 июня (№ 159. С. 634).

преданность государю, любовь к отечеству, характер «чистый, правдивый и благородный».

Вся эта суэта и помпа в итоге лишь усилили скептическое отношение петербургского общества к Кочубею. Тот же Пушкин после похорон внесет в свой «Table-talk» ехидное замечание «старушки Новосильцевой» насчет намерения вдовы оградить могилу решеткой: «Посмотрим, каково-то будет ему в день второго пришествия. Он еще будет карабкаться через свою решетку, а другие давно уж будут на небесах» (Пушкин 1949: 164–165)⁹.

Невыгодные толки явно беспокоили семью канцлера, так что осенью в свет была выпущена панегирическая брошюра на французском языке, в особенности превозносившая его трудолюбие и служебное рвение, доходившее до полного самоотвержения¹⁰. Ее написал ординарный профессор французской литературы в Педагогическом институте и в Императорском Царскосельском лицее П. И. (иначе – Реми Акинфиевич) Жилле, некогда домашний учитель в семье Кочубея¹¹.

Память о неоднозначной репутации канцлера, впрочем, сохранилась у современников надолго. Так, А. М. Фадеев, хорошо знавший его по службе, в мемуарах напишет:

О Кочубее судили различно. Все почти отдавали должную справедливость его неоспоримым высоким дарованиям как государственного деятеля, но многие также указывали на его темные стороны как человека. Говорили, что он большой эгоист, что он своекорыстен; говорили, будто он всегда продавал свое вино откупщикам, а испанскую шерсть суконным фабрикантам дороже обыкновенных цен, потому что они нуждались в его покровительстве; что он обременял подчиненные ему лица

⁹ «Старушка Новосильцева» – по-видимому, Екатерина Александровна (урожд. Торсукова), 79-летняя гранд-дама. Могила Кочубея в Духовской церкви не сохранилась; в 1940 г. его останки были перезахоронены в Лазаревской усыпальнице лавры.

¹⁰ См.: Gillet 1834 (дата под текстом брошюры – 4 июля 1834; цензурное разрешение – 20 августа; на титульном листе – « Octobre 1834 » <sic!>).

¹¹ О нем см.: Бутурлин 2006, по указателю.

поручениями по собственным делам и проч. и проч. Может быть, была здесь и доля правды, но нет людей без слабостей, а князь Кочубей покрывал их своими обширными познаниями, благотворною деятельностью и высшими административными способностями (Фадеев 1897: 68).

Собственные причины недолюбливать покойного имелись и у Крылова. Он появился в Петербурге в начале 1806 г., в разгар противостояния консервативной «русской партии» либеральным молодым друзьям императора Александра I, включая Кочубея, занявшего тогда пост министра внутренних дел. Державин, сам искушенный администратор и главный литературный авторитет круга, в который вошел Крылов, был особенно резко настроен против новшеств, вводимых людьми, «ни государства, ни дел гражданских основательно не знающими» (Державин 1871: 777).

Камнем преткновения стала замена в 1802 г. старинной системы коллегий министерствами по образцу Англии и Франции. По словам И. И. Дмитриева, «новые министерства находились под влиянием двух партий, из коих в одной господствовали служивцы века Екатерины, опытные, осторожные, привыкшие к старому ходу, нарушение коего казалось им восстанием против святыни. Другая, которой главою был граф Кочубей, состояла из молодых людей образованного ума, получивших слегка понятие о теориях новейших публицистов и напитанных духом преобразований и улучшений» (Дмитриев 1866: 180).

Победа в этой борьбе осталась за младшим поколением. Державин пробыл на посту министра юстиции и генерал-прокурора чуть дольше года – с сентября 1802 по октябрь 1803 г., когда ему пришлось подать в отставку, чем и окончилась его карьера государственного деятеля. Вспоминая в записках то время, он не выбирал выражений:

<...> господа министры подыскивались во всяких безделках под Державина и его оклеветывали, а особливо граф Кочубей, потому что должность внутреннего министра по судебным местам, а

особливо по губернскому правлению, непрестанно сталкивалась с генерал-прокурорскою обязанностию, или шли так сказать смешанно, с прямого пути сбиваясь, перемогая друг друга пронырствами и ухищрениями (Державин 1871: 798–799).

По мнению Державина, А. Чарторижский, Н. Н. Новосильцев, П. А. Строганов и Кочубей были движимы «конституционным французским и польским духом», несовместимым с самодержавным правлением, и потому вся их деятельность клонилась ко вреду России (Там же: 787).

Ф. Ф. Вигель, разделявший такие настроения еще 18-летним юношей, позднее следующим образом отозвался о «лорде Кочубее»:

<...> ему было тогда не с большим тридцать лет. Он пренебрег обыкновенными ничтожными занятиями дипломатов, по большей части сплетнями хорошего тона, и хотел посвятить себя внутреннему преобразованию государства. Перед соотечественниками ему было чем блеснуть: он лучше других знал состав парламента, права его членов, прочитал всех английских публицистов и, как львенок крыловой басни, собирался учить зверей вить гнезда. Красивая наружность, иногда молчаливая задумчивость, испытующий взгляд, надменная учтивость – были блестящие завесы, за кои искусно прятал он свои недостатки, и имя государственного человека принадлежало ему, когда еще ничем он его не заслужил (Вигель 1928: 150–151).

Крылов, по-видимому, разделял общую для державинско-оленинского круга неприязнь к молодым реформаторам. Во всяком случае, в ряде его басен этого периода в том или ином виде встречается противопоставление нахальной, недалёковидной молодости и мудрой старости («Старик и трое Молодых», 1805), переусложненности и простоты («Ларчик», 1807), осуждается неумение выбирать людей для определенных задач («Музыканты», 1808).

Эта неприязнь переносилась и на креатуру Кочубея – М. М. Сперанского. В крыловской басне «Орел и Паук», написанной в 1811 г., персонаж, соотносимый со Сперанским, неслучайно именуется

Пауком¹², как в баснях Державина «Выбор министра» и «Цвет и Паук» (1808–1810).

Вигель, именовавший Сперанского «тайным недругом православия, самодержавия и Руси» и особенно дворянства, так описывал начало его возвышения:

Никто из <...> преобразователей не умел ничего написать. Сперанский предложил им искусное перо свое и, принимая вид, как будто собирает их мнения, соглашает их, приводит в порядок, действительно один составил проект учреждения министерств. <...> [О]пытность старцев и зрелых мужей презирал, уважал одну только ученость, в этом отношении на гражданском поприще равных себе не видел и с тех пор приучился ставить себя выше всех (Вигель 1928: 155).

Память о том, что дорогу Сперанскому открыл Кочубей, прочно связалась с его именем. Неслучайно в дневниковой записи о его смерти еще один консерватор, П. Г. Дивов, первым делом отмечает, что «по мысли этого председателя Государственного совета, коим руководил Сперанский, учреждены в царствование императора Александра I министерства». И далее с неизбежностью звучит вторая «кочубеевская тема»: «При вступлении на престол императора Николая возникла мысль о восстановлении коллегиальных учреждений, основанных Петром Великим; но приближенные императора и главным образом Кочубей были за сохранение министерств и настояли на своем» (Дивов 1900: 190–191).

Все это не могло пройти мимо внимания Крылова. Но еще важнее то, что в Кочубее он видел давнего и упорного недруга своего патрона А. Н. Оленина. Пик их противостояния пришелся на 1827 г., когда Кочубей стал председателем Государственного совета, а Оленин лишился поста государственного секретаря, и на его место

¹² По словам В. Ф. Кеневича, такую интерпретацию этой басни он слышал «от некоторых лиц, в том числе и от покойного Н. И. Греча» (Кеневич 1869: 97). Очевидно, современники, считывая сатирическое содержание басни, узнавали не только Сперанского в Пауке, но и Кочубея в Орле.

был назначен кочубеевский протеже В. Р. Марченко¹³. При этом удаление Оленина было непременно условием, которое Кочубей поставил перед Николаем I.

«Как ни старался граф Аракчеев вырвать портфель, но никак не успел; а князь Кочубей при государе Николае I^m до того и добился» (цит. по: Файбисович 2006: 124) – в этой записи дочери Оленина Варвары, сделанной много лет спустя, живо ощущается враждебность, которой было проникнуто оленинское семейство, а с ним и ближайшие друзья дома.

Оленин, со своей стороны, не скрывал, что хотел бы видеть во главе Государственного совета совершенно другого человека. «<...> недовольные <...> противопоставляют Кочубею – <Н. С.> Мордвинова. “О жалкая параллель!” – кричит противу Кочубея Оленин», – сообщал в III отделение Ф. В. Булгарин в мае 1827 г. (Булгарин 1998: 163).

Очерченный контекст, на наш взгляд, дает достаточные основания полагать, что «сатрап» в «Вельможе» – это гротескное отражение личности и репутации Кочубея. Нешуточная злоба автора особенно заметна на фоне его полного равнодушия к совсем недавней смерти А. А. Аракчеева (21 апреля).

3. Заметим, что к фигуре Кочубея Крылов обращался не в первый раз. Выше упоминался «Орел и Паук», но еще раньше, 8 мая 1807 г. на вечере у А. А. Шаховского, он прочел басню «Оракул» – об идоле, который пророчествовал благодаря тому, что внутри прятался жрец. Пока таким образом вещал человек умный, прорицания были хороши, но стоило его место занять дураку, как «идол стал болван болваном».

¹³ Последний вспоминал: «<...> неожиданно получаю я, вечером 28-го апреля 1827 г., записку от графа Кочубея, что по высочайшей воле имеет он надобность увидиться со мною. <...> Явившись в тот же вечер к графу Кочубею, поражен был новостью: <...> он объявил, что государь предлагает ему звание председателя Государственного Совета <...>, но что ему нужно прежде знать: согласен ли я занять место Оленина? Ответ был положительный, и поутру состоялись указы, так рано и неожиданно, что ни в Совете, ни в городе никто не воображал о перемене» (Марченко 1896: 301).

В финале текста аллегория сменяется прямой сатирой:

Я слышал – правда ль? – будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.
(Крылов 1956: 18)

Весна 1807 года – время, когда над высшей российской администрацией как раз восходила звезда статс-секретаря Сперанского. В 1806-м часто болевший Кочубей стал посылать его вместо себя с докладом к императору, и Сперанский быстро завоевал доверие Александра (см.: Корф 1861: 99). Уже в марте 1807 г. он пожалован орденом св. Анны сразу 1-й степени, минуя все низшие (см.: Ветринский 1844: 6, 2-й пагинации), а к осени того же года ненавистный консерваторам выскочка станет правой рукой государя и едва ли не вторым человеком в империи.

Начиная с В. Ф. Кеневича, первого комментатора басен Крылова, принято указывать на связь «Оракула» с повестью «Ночи» (1792) и в особенности с письмом XXI «Почты духов» (1789). В нем танцмейстер Фурбиний советует Плутону не отправлять адских судей Миноса, Радаманта и Эака в отставку за неспособностью, а «приставить к ним умного секретаря, который бы вместо их рассматривал дела, а они бы подписывали то, что он им скажет» (Крылов 1945: 128). В письме XXXVI характер таких отношений обрисован еще определеннее: умственно расслабленные судьи (в данном случае уже не адские, а земные) «не понимали, что им читали подьячие, и подписывали все то, что угодно было их секретарям, которые употребляли их как некоторое орудие к своему обогащению» (Там же: 196).

«Ночи» содержат более пространнный пассаж в том же духе:

Его превосходительство, валяясь в пышных пуховиках, изволит заниматься хорошими сновидениями; между тем как секретарь его готовит ему к завтраму политические рассуждения, которые, конечно, выдаст он за свои; ибо сей господин уже привык думать

секретарскою головою, которая есть его душа, а вельможа сей – ее тело; итак, он основательно может сказать во извинение бесперерывного своего сна: дух бодр, но плоть немощна, то есть: секретарь рожден обдумывать, а я подписывать спросонья его мысли (Там же: 283–284).

С «Вельможей» процитированные фрагменты и другие пассажи «Почты духов» коррелируют, впрочем, в куда большей степени, чем с «Оракулом»: они пронизывают всю позднюю басню и оформляют ее в композиционном отношении. Скажем, финальное двустихие –

Вчера я был в суде, и видел там судью:

Ну, так и кажется, что быть ему в раю!

– это иронический автопарафраз письма XXVII, где сальф Выспрепар находит в «обширной воздушной области» (подобии лимба) лишь несколько «судейских теней», и то с трудом, «ибо люди, отправляющие на земле правосудие, редко бывают столь чисты, чтоб могли прожить в воздухе до того <...> дня, когда все твари предстанут к подножию престола всемогущего». Одна из таких теней в бытность судьей «защищал<a> вдов и сирот от грабительства корыстолюбивых секретарей», за что и удостоилась помещения в «блаженном сем жилище» (Там же: 160–162).

В середине 1830-х гг. лишь немногие знатоки могли уловить в новой басне Крылова сигналы преемственности с его сатирической прозой, в целом отошедшей, по Тынянову, на периферию. Они поддерживали особую энергию текста, но, так сказать, в фоновом режиме, не подчеркивая его конкретную приуроченность. При этом замечательно, что ни одна из крыловских басен, связанных с конкретными личностями (включая «Оракул»), не насыщена до такой степени, как «Вельможа», приметами и биографическими подробностями, позволяющими опознать персону, в которую она метит. Но вся эта определенность скрыта за густой завесой стилизации и игры с литературными аллюзиями.

4. Между тем слово-сигнал, указывающее на Кочубея, бросается в глаза в первой же строке:

Какой-то, в древности, вельможа...

Именование богатого и знатного человека или крупного сановника вельможей характерно для екатерининской эпохи. В обрисовке Державина истинный вельможа, напомним, это герой нравственного достоинства, отличающийся независимостью поведения и служащий государю не за страх, а за совесть. В николаевский период такой социальный тип уже не был востребован. Тогдашние деятели, сколь бы влиятельны они ни были, какой бы роскошный образ жизни ни вели, оставались лишь высокопоставленными чиновниками¹⁴.

На этом фоне современники выделяли Кочубея. И в его происхождении (племянник канцлера А. А. Безбородко), и в манерах, и в том неподдельном уважении, с которым относились к нему и Александр I, и Николай I, им виделся отблеск «золотого века». Так, московский почт-директор А. Я. Булгаков, сообщая дочери о смерти канцлера, сетовал: «*Voilà le dernier grand seigneur de Catherine qui s'en va*» (Булгаков А. 1906: 414)¹⁵.

Кочубеевское грансеньерство явно имел в виду и автор эпиграммы, записанной Пушкиным. Строка «Что в жизни доброго он сделал для людей» отсылает, видимо, к «Вельможе» Державина:

Калигула! твой конь в Сенате

Не мог сиять, сияя в злате:

Сияют добрые дела.

(Державин 1864: 625–626)

¹⁴ В этом отношении показательна ирония, с которой А. И. Дельвиг описывает раболепство екатеринославских помещиков, съехавшихся в 1851 г. из своих деревень в губернский город, «чтобы взглянуть на “вельможу”, как они называли Клейнмихеля» (Дельвиг 1913: 273).

¹⁵ Письмо от 4 июня 1834 г. Перевод: «Вот уходит последний екатерининский вельможа». Эталонный вельможа века Екатерины – Н. Б. Юсупов – скончался в Москве тремя годами ранее. Пушкин в 1830 г. посвятил ему послание «К вельможе», где нарисовал человека, сделавшего богатство и знатность средствами для просвещения и благородной независимости.

Называли Кочубея вельможей и при жизни. Когда в мае того же 1834 года в Орле скончалась племянница его жены, «Московские ведомости» поместили некролог, где, в частности, говорилось, что умершая провела свою юность «в семействе первостатейного Вельможи нашего»¹⁶. С этим определением Кочубей и вошел в историю. Спустя два года после его смерти оно появится в биографическом очерке: «министр утонченный, вельможа во всем пространстве сего слова» (Бантыш-Каменский 1836: 109). Еще позже М. А. Корф, вспоминая Кочубея, особо отметит его «высокоизящный тон», «вельможескую величавость» (Корф 1861: 383) и «грандеццу»¹⁷ (Корф 1899: 500).

Слово «вельможа» применительно к Кочубею встречается и в более ранних текстах Крылова – в финале басни «Орел и Паук», которую, как уже упоминалось, современники считали сатирическим изображением карьеры Сперанского:

Как вам, а мне так кажутся похожи
На этаких нередко Пауков
Те, кои без ума и даже без трудов,
Тащатся вверх, держась за хвост вельможи.
(Крылов 1956: 93)

Отметим, впрочем, что, маркируя Кочубея старинным понятием «вельможа», современники не только не объясняли себе феномен его личности и карьеры, но, наоборот, затемняли понимание. Наиболее точным определением той ролевой модели, которую он избрал и которой твердо придерживался, было бы французское *homme d'état*. Именно этот термин подразумевает Вигель, говоря, что Кочубей присвоил себе «имя государственного человека». Воплощениями *homme d'état* выступали Уильям Питт-младший, Дж. Каннинг, Ш.-М. Талейран, К. Меттерних, Ф. Гизо, А. Тьер – творцы и активные проводники собственных политических концепций. Те же амбиции заметны и в деятельности Кочубея; даже стиль его

¹⁶ Глинка Ф. Н. <Без названия>. – Московские ведомости. 1834. № 47. 13 июня. С. 2245.

¹⁷ От итал. “grandezza” – величие, блеск.

поведения – знаменитое высокомерие, замкнутость и эмоциональная холодность – был близок к стилю Питта-младшего.

Однако понятие *homme d'état*, принадлежащее политическому словарю и социальной практике буржуазного общества, не имело русского аналога. Термин «вельможа», порождение эпохи *Ancien Régime*, описывал совсем иной тип. Это в первую очередь слуга своего монарха; он может найти в себе смелость спорить с государем и даже в знак несогласия уйти со службы, но его дерзость не перерастет в полноценную политическую оппозицию. Если для *homme d'état* государственная деятельность – профессиональное занятие, четко отделенное от частной жизни, то для вельможи она, напротив, выступает производным от его личности наравне с другими проявлениями его «нрава». Вельможа обязательно богат, и именно богатство, а не убеждения – основа его независимости и уверенности в себе. Наконец, русский вельможа далек от всякой меркантильности; он считает ниже своего достоинства заботиться о зароботке – напротив, он несдержан в тратах, хлебосолен, демонстрирует невиданную роскошь, дорогие причуды, но может быть и меценатом, тонким знатоком искусств.

Типажи русских вельмож многообразны. Это и П. А. Демидов, и Г. А. Потемкин, и Н. Б. Юсупов, и братья Орловы, и, что особенно важно, Безбородко – дядя и покровитель Кочубея. Казалось бы, и к нему самому, с юности окруженному аурой вельможности, это понятие должно было прилагаться самым естественным образом. Но деловая хватка, амбициозность, сухость и прижимистость канцлера, вполне приемлемые для европейского *homme d'état*, плохо вязались с широтой натуры и своеобразным артистизмом, которые отличали русских вельмож старшего поколения. Все это в глазах петербургского света и делало Кочубея «неправильным» вельможей, вызывая подспудное раздражение.

5. Набрасывая далее биографию своего героя, Крылов сообщает, что тот

Родился в Персии, а чином был сатрап...

Таким образом, местом действия оказывается древняя Персия. Условный Восток – традиционный для сатиры эпохи Просвещения отрицательный локус, прибежище деспотизма, невежества, неправосудия, роскоши и иных пороков. Казалось бы, это исключает какие-либо ассоциации Вельможи-сатрапа с современностью. Однако восточный антураж содержит в себе прямой намек на обстоятельства реальной службы Кочубея.

К дипломатии тот приобщился в странах Западной Европы, но настоящий карьерный взлет начался для него именно на Востоке. «Первым поприщем его было звание российского посланника при дворе Оттоманской Порты», – гласил газетный некролог. Заняв столь ответственный пост в 1792 г. в 24-летнем возрасте, Кочубей с успехом прослужил в Константинополе до 1797 г., и этого оказалось достаточно, чтобы в тридцать лет, уже при Павле I, он стал действительным тайным советником и вице-канцлером – вторым лицом в ведомстве иностранных дел, а в 31 год получил графский титул.

6. Следующая черта крыловского сатрапа уже не намекает, а прицельно указывает на Кочубея:

Но, так как, живучи, я был здоровьем слаб...

Тот и вправду с молодых лет страдал приступами подагры, к которой позднее присоединилась болезнь сердца. Так, в 1829 г. он прохворал в общей сложности пять месяцев, а в 1831-м, пережив приступ на заседании Государственного совета, провел в постели несколько недель, продолжая, однако, работать (см.: Николаенко 2009: 756). Постоянная борьба с недугами играла в жизни Кочубея такую роль, что даже неизвестный автор некролога счел нужным упомянуть об этом: «Трудолюбие его казалось неутомимым; одна болезнь могла положить ему пределы; одна опасность жизни могла отторгнуть его от дел – и отторгла».

Как пишет Марченко, «в начале 1834 г. князь Кочубей тяжело занемог, и все показывало, что подагра у него в груди уже» (Марченко 1896: 304). Испротив бессрочный отпуск, он вместе с женой

направился из Петербурга в свои малороссийские владения, но смерть настигла его в Москве.

Марченко далее вспоминал:

Я искренно оплакивал вельможу сего как благодетеля своего и как государственного человека, который любил царя и отечество и желал им добра от души. Решительно сказать можно, что с 1827 г. один он был на своем месте, не оставив по себе равного, и хотя впоследствии, вероятно, по болезненному состоянию, заметна была слабость характера и дворская угодливость, но, тем не менее, в делах важных показывал твердость и ум опытный, дальновидный (Там же: 306).

7. Крыловский сатрап, в отличие от реального канцлера, трудолюбием похвастаться не может. Извиняя себя слабостью здоровья, он говорит:

...сам я областью не правил,
А все дела секретарю оставил.

Так в басне появляется новый персонаж, тоже в высшей степени характерный для просветительской сатиры. Абстрактные «корыстлюбивые секретари» со своими «акциденциями» (взятками) и «ябедническими крючками» не раз встречаются, скажем, на страницах «Почты духов». Впрочем, «умный секретарь», который не только пишет, но и думает за своего патрона, переключав из ранней прозы Крылова в басню «Оракул», уже вполне определенно связывается со Сперанским. Напомним и еще об одном кочубеевском выдвигенце – одиозном для оленинского круга Марченко.

Одной из самых сильных сторон Кочубея как государственного деятеля считалось умение подбирать кадры и создавать своим подчиненным такие условия, которые позволяли им проявлять инициативу и вообще свои лучшие качества (см.: Николаенко 2009: 418). Но если достоинства Сперанского признавали даже его ненавистники, то Марченко уважением современников отнюдь не пользовался.

Так, Корф, впоследствии сменивший его на посту государственного секретаря, в дневниках не раз пренебрежительно называл Марченко «подьячим» и резюмировал: «При всем своем возвышении <он> никак не мог высвободиться из *приказной* колеи, в которой был воспитан и взращен. Блулов, всегда так счастливый на удачные слова, говорит, что он был *умнейший из подьячих* в русской <sic!> империи» (Корф 2017: 166; курсив автора). Такой «умный подьячий», далеко не тождественный «умному секретарю» из басни «Оракул», – серьезный кадровый промах Кочубея, конечно, с особым пристрастием отмеченный Лениным и его кругом.

Крылов устами адского судьи награждает Вельможу резким, если не площадным определением:

«Эх, братец!» отвечал Эак:

«Не знаешь дела ты никак.

Не видишь, разве, ты? Покойник – был дурак».

Замечательно, что хлесткая характеристика не только вынесена в рифменную позицию, но и подчеркнута тройной рифмой¹⁸, единственной на 25 строк басни. При этом стих «Не знаешь дела ты никак», в сущности, не несет специальной смысловой нагрузки и легко может быть опущен, т. е. он и введен, по-видимому, лишь для того, чтобы закрепить рифменный эффект, акцентирующий «дурака».

8. Баснописец тем временем развивает тему:

Что, если бы с такую властью

Взялся он за дела, к несчастью?

Ведь погубил бы целый край!..

Кочубей – министр, председатель Государственного совета, государственный канцлер по внутренним и гражданским делам, председатель Временной верховной комиссии, которой Николай I, отъезжая в 1828 г. на войну, вверил управление империей, –

¹⁸ Такой же идущей подряд тройной рифмой (для русской поэзии довольно редкой и встречающейся в основном в баснях) связаны строки иронической эпитафии Кочубею, приведенной выше в составе цитаты из дневника Пушкина.

вельможа, высший сановник, дерзавший ставить условия самому государю... В переводе на язык старинной сатиры это и есть сатрап, наместник, правитель целого края.

Дважды, в начале двух весьма различных эпох, Кочубей оказывался тем, от кого в самом деле до некоторой степени зависели судьбы отечества. Первый раз – когда он был одним из активнейших членов Негласного комитета, где выработывалась программа реформ Александра I; второй – когда Николай I назначил его председателем секретного Комитета 6 декабря 1826 г., главным деятелем которого был Сперанский. В задачи Комитета входил не только разбор бумаг покойного императора, но и подготовка очередных преобразований. Наиболее радикальные предложения Комитета, включая реформу Сената и изменения в положении крепостных крестьян, не были реализованы, однако в том, что именно он был «мозговым центром» внутренней политики России первой половины царствования Николая I, сомнений не было.

Крылов неслучайно наносит удар по Кочубею именно как по государственному деятелю: люди, до Отечественной войны принадлежавшие к «русской партии», так никогда и не простили ему реформаторства. Две характеристики, данные ему Дивовым с интервалом почти в четверть века, звучат как единая инвектива:

Алча честолюбием, Кочубей был трудолюбив и весьма мелочен; но по несчастию без познания о своем отечестве и удивляясь премудрости иностранной, истребил весь древний порядок и главный есть виновник многосложности, которая потом внедрилась в управление государством (Дивов 1899а: 83)¹⁹.

Проникнутый либеральными идеями, он был их главным сторонником как в предшествовавшее, так и в настоящее царствование. По его инициативе изменился весь прежний государственный строй, были уничтожены коллегии и созданы министерства, которые ему удалось отстоять неприкосновенными при

¹⁹ Цитируется фрагмент записки Дивова на высочайшее имя, начатой, видимо, вскоре после Гильзитского мира (1807), но так и не завершенной.

восшествии на престол ныне царствующего императора, когда шла речь о восстановлении коллегий, которые гораздо целесообразнее и более подходят к духу народа, нежели министерства, в коих вся административная часть зависит очень часто от узких взглядов одного лица (Дивов 1899b: 541)²⁰.

Впрочем, прямые обвинения в измене консерваторы в свое время решились выдвинуть только против Сперанского, Кочубею же послужила защитой его вельможность²¹. Но споры вокруг его имени не утихали десятилетиями. Вот, к примеру, фрагмент из донесений «высшей полиции» (секретного политического сыска) за период с августа 1818 по 1 мая 1819 г.:

Если многие считают графа Кочубея отличнейшим из государственных мужей и способнейшим к исправлению значительнейших обязанностей правительства, то другие, однако же, открывают в нем слабости уважительные, как то: непостоянство в правилах, страсть к новостям, непрерывную переменчивость в системах. «Нет великой нации, коея кафтана он бы не носил, исключая русского», – отзывался о нем весьма знатный государственный человек (Мальшинский 1889: 173).

²⁰ Дневниковая запись от 17 декабря 1831 г.

²¹ Стоит отметить, что Кочубей был не менее своих консервативных оппонентов предан интересам России, как он их понимал. Возмущенный заключением в 1807 г. Тильзитского мира, он четырежды (!) подавал прошение об отставке с поста министра внутренних дел, пока наконец Александр не решил его отпустить. За месяц до этого из его министерства был по прошению уволен Сперанский, что стало началом его самостоятельной карьеры. Кочубей вернулся на службу в 1810 г., а в 1812-м молчаливо наблюдал падение Сперанского и назначение на его место А. С. Шишкова – одного из лидеров «русской партии». Их личные отношения возобновились только тогда, когда Сперанский был возвращен на службу, 4 сентября 1818 г. Кочубей писал ему: «Никогда не мог я вообразить, чтоб могло иметь какое-либо основание взведенное что-то на вас неприятелями вашими <...>; но как столь гласное удаление вас знаменовало гнев Высочайший, то я, почитая оный как должно, ожидал в молчании, чтоб вера Его Величества была просвещена и всегдашняя его склонность к благотворению обратилась на вас. <...> Сожалею несказанно, что Государь и государство лишились в продолжение многих лет полезных трудов ваших и, проклиная интриги и интригантов, <...> я искренно желаю, чтоб угнетавшие душу вашу происшествия не отняли у вас склонности к занятиям общественным» (В память Сперанского 1872: 490–491).

И все же к середине 1830-х жестокая вражда между партиями, казалось, стихла. Еще в 1818 г. Российская академия, цитадель шишковистов, избрала Кочубея почетным членом. Со Сперанским Оленин установил настолько хорошие отношения, что бывший реформатор не только стал посещать его дом, но и разделил, по крайней мере внешне, общее для этого круга восхищение творчеством Крылова. «Сперанский читал басни Крылова не хуже самого автора. Заметно было, как постепенно Крылов приходил в восторг», – вспоминала дочь Оленина Варвара (Крылов в воспоминаниях 1982: 148)²². Баснописец тем временем стал своим человеком в салоне С. В. Строгановой – вдовы одного из членов Негласного комитета, родственницы Кочубея. Он и там пользовался исключительным уважением, так что по распоряжению хозяйки ради него готовилось особое меню, а гости и домочадцы, признавая заслуги национального поэта, говорили при нем исключительно по-русски (см.: Там же: 260–261).

Однако сам Кочубей оставался недосягаемым небожителем. Нет никаких свидетельств о том, что Крылов был лично с ним знаком. В числе других сановников Кочубей посещал торжественные акты в Публичной библиотеке, где баснописец читал свои произведения; оба имели отношение к Российской академии (Крылов был ее действительным членом с 1811 г.) и состояли почетными вольными общниками Академии художеств (Кочубей с 1822 г., а Крылов с 1830-го). Вот, пожалуй, и все места, где они могли бы встретиться. Неудивительно, что со смертью Кочубея в Крылове пробудилась старая неприязнь.

²² Любопытно, что Сперанский, отдавая, по-видимому, должное популярности Крылова, все же находил его басни недостаточно глубокими, во всяком случае, до личного знакомства с их автором. «Для легкой шутки надобен только ум; но для сильных произведений потребно размышление и сила воображения, возбужденная и управляемая классическими образцами. А у нас именно сего-то и недостает, – писал он дочери. – Авторы, тобою приводимые, суть не что иное как остроумная неучь. Я их помню. Сам Крылов есть порядочный невежда» (Сперанский 2002: 83; письмо от 21 января 1819 года).

9. Вопрос о том, когда именно был написан «Вельможа», остается открытым²³. Черновая рукопись, как выше было сказано, не способна на него ответить. Воспоминания Н. М. Колмакова о том, как Крылов читал гостям графини Строгановой «басни последнего сочинения» – «Кукушку и Петуха» и «Вельможу» (Там же: 261)²⁴, – должны быть отнесены ко второму полугодю 1834 г., поскольку один из беловых фрагментов «Кукушки и Петуха» датирован июнем этого года (см.: Могилянский 1956: 552), но в каком именно месяце происходило чтение, неясно. И все же попытаемся сузить хронологические рамки создания «Вельможи», исходя из предположения о том, когда с этой басней мог познакомиться Пушкин.

Личные и творческие отношения Пушкина и Крылова никогда не становились предметом специального изучения – за исключением сжатого обзора, предложенного А. М. и М. А. Гордиными (Крылов в воспоминаниях 1982: 33–34, 366–367). Чаще всего исследователи, опираясь на блиц-полемику Пушкина с П. А. Вяземским в переписке 1823–1825 гг., констатируют уважение младшего поэта к старшему, сдобренное, впрочем, долей иронии (см.: Дрыжакова 2009). Однако это лишь эпизод из истории их общения, которое по длительности совпало с бытием Пушкина в литературе. Современникам запомнилось, что именно Крылов последним простился с телом поэта и нес его гроб (см.: Крылов в воспоминаниях 1982: 280, 311).

С людьми Крылов сходилась трудно и неохотно, но в случае Пушкина их сближению, начавшемуся в 1830-х гг., не помешала даже 30-летняя разница в возрасте – напротив, она придавала Крылову особую значимость. В эти годы Пушкин, напомним, испытывал специальный интерес к XVIII столетию, к его истории и литературе. В 1833 г., работая над «Историей пугачевского бунта», Пушкин записал детские воспоминания баснописца о пугачевщине.

²³ Предположение Л. В. Тимофеева о том, что «Вельможа» появился не позднее весны 1834 г., строится на произвольном отождествлении этого текста с одной из «шести новых прекрасных басен» Крылова, о которых Оленин упоминает в письме к сыну от 14 апреля (см.: Тимофеев 1983: 235).

²⁴ Колмаков в 1834 году поступил в дом С. В. Строгановой в качестве наставника ее внука.

Но гораздо важнее то, что в его ближайшем окружении Крылов был единственным крупным поэтом, который, вступив на поприще словесности еще в екатерининский век, продолжал работать и сорок лет спустя.

Весть о смерти Кочубея застала Пушкина в Петербурге. Судя по желчным заметкам в дневнике, в «Table-talk» и в письмах, он, как и Крылов, не остался равнодушным к этому событию. Покойный канцлер представлялся ему едва ли не квинтэссенцией всего, что раздражало его в высшем свете. Это лето выдалось для Пушкина тяжелым: 25 июня, через четыре дня после похорон Кочубея, он подаст прошение об отставке, чем навлечет на себя явное неудовольствие императора, а в начале июля по настоянию Жуковского возьмет свою просьбу назад и наконец попросит всего лишь об отпуске. Около 17 августа Пушкин выехал из столицы, направляясь в калужское имение жены, а затем в свое нижегородское Болдино (см.: Летопись Пушкина 1999: 225). Там 20 сентября он закончит «Сказку о Золотом петушке», буквально сотканную из литературных аллюзий, в том числе – на тексты русского XVIII века. Исследователями отмечены связи со стихотворением Державина «Царь Девица», героиня которого «лежа царством управляла» (см.: Погосян 1992: 99–100; Кочеткова 2004: 49)²⁵, а в «возможный побочный круг ассоциаций», по выражению В. Э. Вацуру, входит крыловский «Трумф» с его пародийной фигурой слабого царя-бездельника Вакулы, к образу которого «прикреплена <...> сфера грубоватого просторечия» (Вацуро 2000: 225–226).

Заметим, что «дурак»-Вельможа, который при жизни только «пил, ел и спал» и явился в ад с «богато убранного ложа», оказывается изоморфен не только царю Вакуле, но и Дадону, царствовавшему «лежа на боку». На то, что до отъезда из Петербурга Пушкин, скорее всего, успел познакомиться с новой крыловской басней, намекающей на столь нелюбимого обоими Кочубея,

²⁵ Об актуальности державинского наследия для Пушкина летом 1834 г. свидетельствует покупка им 3 июля новинки – «Объяснений на сочинения Державина...» (см.: Летопись Пушкина 1999: 210).

указывает и совпадение в важном сюжетном моменте – описании смерти героя. У Пушкина, как и у Крылова, фраза «умер он» вынесена в конец строки как семантически значимая позиция и зарифмована с именем собственным (Дадон и Плутон соответственно).

Если наши предположения верны, то «Вельможа» был написан по горячим следам событий, в течение нескольких недель после смерти и помпезных похорон Кочубея, т. е. в июне – первой половине августа 1834 г. Очевидно, тогда же Крылов начал показывать этот текст знакомым вместе с другой новинкой, басней «Кукушка и Петух».

10. Крылов долго не публиковал «Вельможу». Вероятнее всего, он выжидал, пока ажиотаж, вызванный смертью Кочубея, спадет. Устав прямо запрещал цензорам пропускать в печать нападки на личности, и даже авторитет Крылова не спас бы того, кто разрешил бы к публикации басню, обидную для памяти государственного канцлера. Приключившаяся в конце того же 1834 года история с А. В. Никитенко, который отсидел на гауптвахте за дозволение напечатать невиннейшее стихотворение М. Д. Деларю «Красавице», возмущившее митрополита Серафима, лишней раз показала, чего может стоить цензору малейшая неосторожность. Характерно, что Крылов «придержал» и басню «Кукушка и Петух», которую считали сатирой на неразлучный тандем Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча: она увидит свет только весной 1841 г.

Но «Вельможе» баснописец дал ход раньше, воспользовавшись для этого удобным случаем. Хотя большинство современников и не узнавали в крыловском сатрапе покойного Кочубея, баснописец почел за благо обеспечить себя защитной легендой. Из комментария в комментарий кочует его эффектный рассказ о том, как на святках 1836 г. он на придворном маскараде бесстрашно прочел якобы запрещенного цензурой «Вельможу» и получил от самого государя благосклонное разрешение на публикацию.

Басня действительно вышла в первом номере еженедельника «Сын Отечества» за 1836 г., однако простое сопоставление дат

легко опровергает версию Крылова. Маскарад (на котором он, кстати, читал вовсе не «Вельможу», а специально сочиненный монолог боярина-кравчего; см.: Крылов 1946: 316–317) состоялся 6 января²⁶, тогда как соответствующий номер журнала получил цензурное разрешение еще 3-го, а из типографии вышел 5 января²⁷. Цензором «Сына Отечества» в то время был П. А. Корсаков – человек, к литераторам весьма расположенный, и, главное, родной брат попечителя Санкт-Петербургского учебного округа М. А. Дондукова-Корсакова, главы столичного цензурного комитета. Позднее Никитенко, Корсакова недолюбливавший, констатирует: «Литераторы часто употребляют его как свое орудие <...>. Ему многое сходит с рук, от чего не поздоровилось бы другим. Хорошо иметь начальником брата!» (Никитенко 1955: 244)²⁸.

Впрочем, прибегать к помощи брата-попечителя не пришлось, да и ссылка на высочайшее разрешение оказалась ни к чему. «Вельможа» без затруднений прошел цензуру и был восторженно принят критикой. Аллюзий на недавнее прошлое читатели не искали, стилизованную сатиру восприняли как безадресную, а «мораль» – как свойственный басне иронический акцент. И только чуткий В. Г. Белинский в большой статье о Крылове, написанной вскоре после его смерти, подчеркнет отличие «Вельможи» от других поздних басен и заметит: «<...> это одно из самых лучших его произведений» (Белинский 1845: 73).

Энергия и сложность, отнюдь не старческие, действительно привлекают внимание к «Вельможе». Крылов артистически жонглирует намеками на конкретные лица и обстоятельства, в том числе политического и исторического свойства, подсвечивая и одновременно вуалируя их литературными аллюзиями и автореминисценциями. Еще более изощренной игрой он обставил

²⁶ Дата маскарада установлена по: Российский государственный исторический архив. Ф. 497. Оп. 1. № 7249.

²⁷ См. объявление о выходе номера с перечнем интереснейших материалов, включая «Вельможу»: «Первая книжка “Сына Отечества” вышла в воскресенье, 5-го января» (Северная пчела. 1836. № 4. 7 января. С. 15).

²⁸ Дневниковая запись от 22 января 1842 г.

публикацию «Вельможи», создав специальный текст-двойник (упомянутое маскарадное стихотворение «По части кравческой, о царь, мне речь позволь...») и разыграв вокруг этого диптиха полноценный спектакль с элементами фарса и нарочитого блефа²⁹. В рамках же издания «Басен» 1843 года «Вельможа», соединяя сатирическое начало, визитную карточку юности Крылова, с басенным, определившим его зрелые годы, символически замкнул круг его творчества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- [Белинский В. Г.] 1845. Иван Андреевич Крылов. – Отечественные записки. № 2. Отдел «Науки и искусства». С. 62–84.
- Бантыш-Каменский Д. Н. 1836. Словарь достопамятных людей Русской земли... Ч. 3: К–М. М.: В типографии Н. Степанова.
- Булгаков А. Я. 1906. Из писем А. Я. Булгакова к его дочери княгине О. А. Долгорукой: 1834. – Русский архив. № 7. С. 401–431.
- Булгаков К. Я. 1904. Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу: 1834-й год. – Русский архив. № 3. С. 407–442.
- Булгарин Ф. В. 1998. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Изд. подготовил А. И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение.
- Бутурлин М. Д. 2006. Записки. Т. 1–2. М.: ИД «Любимая книга».
- В память Сперанского 1872. В память графа Михаила Михайловича Сперанского: 1772–1872. СПб.: Издание Императорской Публичной библиотеки.
- Ветринский И. Я. 1844. Краткие биографические сведения о графе М. М. Сперанском. – Сперанский М. М. Правила высшего красноречия. СПб.: И. Ветринский. С. 1–8 (2-й пагинации).
- Вигель Ф. Ф. 1928. Записки. Т. 1. М.: Артель писателей «Круг».
- Глинка Ф. Н. 1834. <Без названия>. – Московские ведомости. 13 июня. № 47. С. 2245.

²⁹ Подробно о сложной стратегии саморепрезентации, которую Крылов выстроил вокруг «Вельможи», см. в монографии: Лямина, Самовер 2023 (в печати).

- Дельвиг А. И. 1913. Мои воспоминания. Т. 2. М.: Издание Московского Публичного и Румянцевского музеев.
- Державин Г. Р. 1864. Сочинения Державина / С объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. 1. СПб.: В типографии Императорской Академии наук.
- Державин Г. Р. 1871. Сочинения Державина / С объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. 6. СПб.: В типографии Императорской Академии наук.
- Дивов П. Г. 1899а. Повествование о царствовании императора Александра, для него одного писанное. – Русская старина. № 10. С. 79–89.
- Дивов П. Г. 1899б. Из дневника П. Г. Дивова. – Русская старина. № 12. С. 524–542.
- Дивов П. Г. 1900. Из дневника П. Г. Дивова. – Русская старина. № 7. С. 183–200.
- Дмитриев И. И. 1866. Взгляд на мою жизнь. М.: Типография В. Готье.
- Дрыжакова Е. Н. 2009. Вяземский и Пушкин в споре о Крылове. – Пушкин и его современники. Вып. 5 (44). СПб.: Нестор-История. С. 285–307.
- Исаченко Е. Г. 2014. «Разговоры в царстве мертвых» А. П. Сумарокова. – Литературная культура России XVIII века. Вып. 5. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. С. 100–119.
- Кеневич В. Ф. 1869. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. – Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 6 (2-я пагинация). СПб.: Типография Императорской Академии наук.
- Корф М. А. 1861. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб.: Императорская Публичная библиотека.
- Корф М. А. 1899. Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа. – Русская старина. № 12. С. 481–521.
- Корф М. А. 2017. Дневник за 1840 год. М.: Квадрига.
- Кочеткова Н. Д. 2004. «Сказка о Золотом петушке» Пушкина и «Царь-Девница» Державина. – Временник Пушкинской комиссии. Вып. 29. СПб.: Наука. С. 44–52.
- Крылов в воспоминаниях современников 1982. Крылов в воспоминаниях современников / Вступительная ст., сост., подготовка текста и комментарии А. М. Гордина, М. А. Гордина. М.: Художественная литература.

- Крылов И. А. 1843. Басни: В 9-ти кн. СПб.: В типографии Военно-Учебных Заведений.
- Крылов И. А. 1945. Сочинения: В 3-х тт. Т. I. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Крылов И. А. 1946. Сочинения: В 3-х тт. Т. III. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Крылов И. А. 1956. Басни / Изд. подготовил А. П. Могилянский. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Летопись Пушкина 1999. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4-х тт. Т. 4. М.: Слово/Slovo.
- Лямина Е. Э., Самовер Н. В. 2023. «Преоригинальная туша»: Феномен Крылова (в печати).
- Мальшинский А. П. 1889. Высшая полиция при императоре Александре I. – Исторический вестник. № 1. С. 165–179.
- Марченко В. Р. 1896. Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко. 1782–1838. – Русская старина. № 5. С. 291–317.
- Могилянский А. П. 1956. Комментарии. – Крылов И. А. Басни / Изд. подготовил А. П. Могилянский. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 309–580.
- Никитенко А. В. 1955. Дневник: В 3-х тт. Т. 1. [Л.:] Государственное издательство художественной литературы.
- Николаенко П. Д. 2009. Князь В. П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД РФ.
- Погосян Е. 1992. К проблеме значения символа «Золотой петушок» в сказке Пушкина. – В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Тарту: Эйдос. С. 98–107.
- Пушкин А. С. 1949. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. Т. XII. [М.; Л.:] Издательство Академии наук СССР.
- САР 1793. Словарь Академии Российской. Ч. IV: От М до Р. СПб.: При Императорской Академии Наук.
- САР 1822. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. V: От П до С. СПб.: В типографии В. Плавильщикова.
- Сперанский М. М. 2002. Письма к дочери / Вступительная ст. и сост. Н. В. Куксановой. Новосибирск: [Б. и.].

- Тимофеев Л. В. 1983. В кругу друзей и муз: Дом А. Н. Оленина. Л.: Лениздат.
- Фадеев А. М. 1897. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. Одесса: Тип. Высочайше утвержденного Южно-Русского Общества Печатного Дела.
- Файбисович В. М. 2006. Алексей Николаевич Оленин: Опыт научной биографии. СПб.: Российская национальная библиотека.
- Gillet, A. 1834. A la mémoire du prince Kotschoubey, chancelier de l'Empire de Russie. SPb.: [S. n.]

REFERENCES

- [Belinskii, V. G.] 1845. "Ivan Andreevich Krylov." *Otechestvennye zapiski* 2, "Nauki i khudozhestva" (1845): 62–84.
- Bantysh-Kamenskii, D. N. *Slovar' dostopamiatnykh liudei Russkoi zemli* [...]. Pt. 3, K–M. Moscow: V tipografii N. Stepanova, 1836.
- Bulgakov, A. Ia. "Iz pisem A. Ia. Bulgakova k ego docheri kniagine O. A. Dolgorukoi: 1834." *Russkii arkhiv* 7 (1906): 401–31.
- Bulgakov, K. Ia. "Iz pisem Konstantina Iakovlevicha Bulgakova k bratu ego Aleksandru Iakovlevichu: 1834-i god." *Russkii arkhiv* 3 (1904): 407–42.
- Bulgarin, F. V. *Vidok Figliarin: Pis'ma i agenturnye zapiski F. V. Bulgarina v 3 otdelenie*. Edited by A. I. Reitblat. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Buturlin, M. D. *Zapiski*. Vols. 1–2. Moscow: ID "Liubimaia kniga," 2006.
- Del'vig, A. I. *Moi vospominaniia*. Vol. 2. Moscow: Izdanie Moskovskogo Publichnogo i Rumiantsevskogo muzeev, 1913.
- Derzhavin, G. R. *Sochineniia Derzhavina*. Annotated by Ia. K. Grot. Vol. 1. Saint Petersburg: V tipografii Imperatorskoi Akademii nauk, 1864.
- . *Sochineniia Derzhavina*. Annotated by Ia. K. Grot. Vol. 6. Saint Petersburg: V tipografii Imperatorskoi Akademii nauk, 1871.
- Divov, P. G. "Povestvovanie o tsarstvovanii imperatora Aleksandra, dlia nego odnogo pisannoe." *Russkaia starina* 10 (1899): 79–89.
- . "Iz dnevnika P. G. Divova." *Russkaia starina* 12 (1899): 524–42.
- . "Iz dnevnika P. G. Divova." *Russkaia starina* 7 (1900): 183–200.
- Dmitriev, I. I. *Vzgliad na moiu zhizn'*. Moscow: Tipografia V. Gaultier, 1866.
- Dryzhakova, E. N. "Viazemskii i Pushkin v spore o Krylove." In *Pushkin i ego sovremenniki*. Vol. 5 (44), 285–307. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2009.
- Fadeev, A. M. *Vospominaniia Andreia Mikhailovicha Fadeeva*. Odessa: Tip. Vysochaishe utverzhdennogo Iuzhno-Russkogo Obshchestva Pечатного Дела, 1897.

- Faibisovich, V. M. *Aleksei Nikolaevich Olenin: Opyt nauchnoi biografii*. Saint Petersburg: Rossiiskaia natsional'naia biblioteka, 2006.
- Gillet, A. *A la mémoire du prince Kotschoubey, chancelier de l'Empire de Russie*. Saint Petersburg: [n. p.], 1834.
- Isachenko, E. G. 2014. “Razgovory v tsarstve mertvykh’ A. P. Sumarokova.” In *Literaturnaia kul'tura Rossii 18 veka*. Vol. 5, 100–19. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU.
- Kenevich, V. F. “Bibliograficheskie i istoricheskie primechaniiia k basniam Krylova.” In *Sbornik statei, chitannykh v Otdelenii russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*. Vol. 6 (2nd pag.). Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1869.
- Kochetkova, N. D. “Skazka o Zolotom petushke’ Pushkina i ‘Tsar’-Devitsa’ Derzhavina.” In *Vremennik Pushkinskoi komissii*. Vol. 29, 44–52. Saint Petersburg: Nauka, 2004.
- Korf, M. A. *Zhizn' grafa Speranskogo*. Vol. 1. Saint Petersburg: Imperatorskaia Publichnaia biblioteka, 1861.
- . “Iz zapisok barona (vposledstvii grafa) M. A. Korfa.” *Russkaia starina* 12 (1861): 481–521.
- . *Dnevnik za 1840 god*. Moscow: Kvadriga, 2017.
- Krylov v vospominaniiaakh sovremennikov*. Edited, prefaced and annotated by A. M. Gordin and M. A. Gordin. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1982.
- Krylov, I. A. *Basni*. 9 vols. Saint Petersburg: V tipografii Voenno-Uchebnykh Zavedenii, 1843.
- . *Sochineniia*. 3 vols. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1945.
- . *Sochineniia*. 3 vols. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1946.
- . *Basni*. Edited by A. P. Mogilianskii. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956.
- Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina*. 4 vols. Vol. 4. Moscow: Slovo/Slovo, 1999.
- Liamina, E. E. and N. V. Samover. “Preoriginal'naia tusha”: Fenomen Krylova (forthcoming).
- Mal'shinskii, A. P. “Vysshiaia politsiia pri imperatore Aleksandre I.” *Istoricheskii vestnik* 1 (1889): 165–79.

- Marchenko, V. R. "Avtobiograficheskaia zapiska gosudarstvennogo sekretaria Vasiliia Romanovicha Marchenko. 1782–1838." *Russkaia starina* 5 (1896): 291–317.
- Mogilianskii, A. P. "Kommentarii." In *Basni* by I. A. Krylov. Edited by A. P. Mogilianskii, 309–580. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956.
- Nikitenko, A. V. *Dnevnik*. 3 vols. Vol. 1. [Leningrad:] Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1955.
- Nikolaenko, P. D. *Kniaz' V. P. Kochubei – pervyi ministr vnutrennikh del Rossii*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD RF, 2009.
- Pogosian, E. "K probleme znachenii simvola 'Zolotoi petushok' v skazke Pushkina." In *V chest' 70-letii professora Iu. M. Lotmana*, 98–107. Tartu: Eidos, 1992.
- Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 16 vols. Vol. 12. [Moscow and Leningrad:] Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949.
- Slovar' Akademii Rossiiskoi*. Pt. 4, *from M to R*. Saint Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1793.
- Slovar' Akademii Rossiiskoi, po azbuchnomu poriadku raspolzhenyi*. Pt. 5, *from P to S*. Saint Petersburg: V tipografii V. Plavil'shchikova, 1822.
- Speranskii, M. M. *Pis'ma k docheri*. Edited and prefaced by N. V. Kuksanova. Novosibirsk: [n. p.], 2002.
- Timofeev, L. V. *V krugu družei i muz: Dom A. N. Olenina*. Leningrad: Lenizdat, 1983.
- V pamiat' grafa Mikhaila Mikhailovicha Speranskogo: 1772–1872*. Saint Petersburg: Izdanie Imperatorskoi Publichnoi biblioteki.
- Vetrinskii, I. Ia. "Kratkie biograficheskie svedeniia o grafe M. M. Speranskom." In *Pravila vysshego krasnorechiia* by M. M. Speranskii, 1–8 (2nd pag.). Saint Petersburg: I. Vetrinskii, 1844.
- Vigel', F. F. *Zapiski*. Vol. 1. Moscow: Artel' pisatelei "Krug," 1928.